

Анна Златковская

СТРАШНО ЖИТЬ, МАМА

Повесть

Минск

Издатель А. Н. Янушкевич

2018

УДК 821.161.1(476)-31
ББК 84(4Бей=Рус)-44
3-67

Иллюстрации
Анны Златковской

Златковская, А. Е.

3-67 **Страшно жить, мама : повесть / Анна Златковская.** — Минск : А. Н. Янушкевич, 2018. — 140 с. : ил.

ISBN 978-985-7165-58-2.

Это история о матери и ее дочери Анжелике. Две потерянные души, два одиночества. Мама в поисках счастья и любви, в бесконечном страхе за свою дочь. Она – обычная женщина, та, что пытается одна воспитывать дочь, та, что отчаянно цепляется за мужчин, с которыми сталкивается ее судьба. Она не замечает, как ломает Лику, как сильно маленькая девочка перенимает мамины страхи и вбирает их в себя...

УДК 821.161.1(476)-31
ББК 84(4Бей=Рус)-44

ISBN 978-985-7165-58-2

© А. Е. Златковская, 2018
© Оформление.
Издатель А. Н. Янушкевич, 2018

Я набрала его номер третий раз подряд. Нет ответа, и я набираю снова, зная, кожей чувствуя, что Паша сейчас с той длинноногой рыжеволосой девицей, которая прижималась к нему плоским животом в коридоре университета. Я видела их, когда выходила из аудитории. Еще вчера я ночевала у него. Странно было видеть сегодня его с другой девушкой.

Я молча уставилась на них, не в силах сделать и шага. Было правильнее броситься и разнять эту парочку, может, надавать ему пощечин, отпихнуть рыжую, встать между ними жирным тире, показать, что я существую и нельзя игнорировать меня, целуясь у всех на виду.

Но я не могла этого сделать. Мы встречались с ним полгода. Почти каждый день после занятий я приезжала к нему домой, замирала в его комнате, словно собака в ожидании команд. Приготовить ужин — сделано. Целоваться — пожалуйста. Помочь написать реферат — конечно, я буду

только рада. Ждала, когда он накрутит на пальцы прядь волос, заглянет в глаза и, смеясь, скажет: «Лица, ты моя». Этот романтический бред я видела снова и снова, но Паша лишь накручивал волосы на пальцы и распускал, будто нитки из клубка тонкой шерсти. У меня не было прав, не было характера, чтобы уйти. Иногда так и хотелось отрезать ножницами волосы, оставить ему на подушке темную змейку и хлопнуть дверью. Но я не умела уходить. И, глядя, как он обнимает рыжую девушку, я убежала под лестницу, что была в дальнем углу университетского коридора.

Паша не отвечал. Выходной день — и снова одна в квартире, заваленная тишиной, как старая игрушка за шкафом, куда в кучу свалили ненужные вещи и чемоданы. Внутри сжималось и разжималось сердце, словно кто-то мял губку сильными руками. Мама всегда учила меня, что хорошо не будет. Кому-то везет, но не нам. Наша семья обречена на страдания. Наша семья... Всего-то два человека...

1

Мама и я. Вот и вся семья. Отец был, но весьма зыбким расплывчатым предметом маминых негодований. Мама любила отца те недолгие пол-

года, которые он провел с ней. Отец был плохим художником, работал в театре, устанавливал декорации. Постоянно выпивал по пятьдесят грамм водки в обед и страстно любил женщин. В них он видел вдохновение, подпитку творческой энергии, поэтому вдохновения часто сменяли друг друга. Отец рисовал, картины прятал за старый платяной шкаф, искал новую женщину, потом снова рисовал, выпивал и верил, что его работы имеют будущее. Может, однажды они будут висеть в картинной галерее, а не прятаться в темном нежилом углу. В кармане рубашки он носил мастихин. На кисти руки всегда было пятно краски — то синее, то красное. Символ его художественного духа. Подозреваю, что эти пятнышки он старательно рисовал каждое утро перед выходом на улицу. Плачевная карьера не убила в нем романтизм и веру в светлое завтра. Будучи неудачником, он являл собой неутомимого бунтаря против системы, общества, политической власти. Ему, казалось, важно было выступать против всех. Обожал шумные застолья, походы, друзей-собутыльников, неплохо брэнчал на гитаре и даже, что вообще удивительно, вязал на спицах. Этому отцу научила его мама, моя бабушка, умершая, когда ему было двадцать пять. «Если бы твой отец женился на мне, — говорила мне мама, — то свекровь у меня была бы редкостная су-

ка». Вот и вся характеристика бабушки. О своих дедушках я вообще ничего не знала.

Мне, маленькой, ужасно не хватало людей вокруг. Хотелось, чтобы, как у всех, у меня были бабушки и дедушки, дарящие бесчисленное количество странных игрушек. Хотелось конфет и шоколадок из их рук, нудных нравоучений и новых запахов, будь то старая кофта или вязаное покрывало, засахаренные конфеты в вазочке или таблетки валидола.

Услышав про суку, я обрадовалась, что у меня есть только мама. Потому что с ней было не просто, и выдержать еще одну суровую женщину я, наверное, не смогла бы. Бабушка в моей жизни все-таки появилась, но гораздо позже, в тринадцать лет. Она была глубоко оскорблена тем фактом, что я родилась вне брака, от какого-то пьяницы, да при этом в силу чувств. «Блудница и проститутка», — только и вымолвила бабушка, когда мама позвонила ей, чтобы обрадовать внучкой. И пропала, окатив молчаливым презрением дочь и меня.

Отец оставил маму ночью. На часах было два, за окном лил дождь. Она лежала рядом с ним, уткнувшись носом в подмышку. Сказала, что беременна, что у них будет замечательный сын и, может, наконец, он сделает ей предложение. Уснула. Не слышала, как он тихо встал с дивана. Одед-

ся, допил вино прямо из горлышка. На прощание не смыл за собой в туалете и ушел. Мама утром рыдала в голос, била рюмки, истошно кричала на балконе, что все мужики сволочи. Истерика длилась с семи до девяти утра. Это было воскресенье. Успокоившись, она принялась за уборку.

— Вычищу к черту твой дух, — злобно шипела она, вытирая пыль с полок. А внутри нее была я. У меня уже билось сердце, и я, покачиваясь в маминых водах, ощущала ее недовольную вибрацию. Нас объединяло ощущение весьма грустного будущего, грядущего одиночества. Мама, правда, была уверена, что родится сын. Назвала меня Димкой, и, когда я родилась, когда акушерка сунула ей под нос мои ножки, она в недоумении спросила:

— А где писюн?

— Какой писюн, мамаша?! — гаркнула акушерка. — Девку родила!

— Несчастливая, — прошептала мама.

Назвала Анжеликой. Пока все вокруг называли девочек Танями, Ирами и Олями, мама решила, что раз девочка, судьба незавидная, всю жизнь метаться и маяться, то пусть хотя бы имя будет красивое. Желанное имя, любила говорить мама. С таким именем каждый мужик будет тебя желать. А желанных женщин не бросают. Отцу она послала открытку, в которой

карандашом написала: «Поздравляю, теперь твое существование на земле оправдано, говнюк: ты стал отцом».

Отец приехал к нам домой, но мама его не пустила. Он звонил и звонил в дверь, я орала от этого кричащего нарастающего звука, мама качала меня на руках, зажмурившись. Она знала, что если откроет глаза, то не выдержит и пустит его на порог. Расклеится, размякнет, бросится с поцелуями, начнет хвалиться дочерью, а этого всего не надо, не надо... Он бросил ее, и этот визит всего лишь любопытство, желание взглянуть на дочь как на единственное свое правильное и искусное творение. Отец перестал звонить, лег на коврик, откупорил шампанское и выпил всю бутылку в считанные минуты. Через полчаса его прогнала соседка, пригрозив милицией. Отец ушел, оставив на коврике у двери пластмассовую погремушку и пару беленьких пинеток.

Именно эти пинетки сломали мамину гордость, и спустя неделю она пустила отца к дочери. Она стояла возле балконной двери, подальше от отца, чтобы его запах не коснулся крыльев ее носа. Отец всегда был такой — магически действовал на женщин, поэтому они всю жизнь его любили, равно как и ненавидели. Он был никем. Коллеги по цеху его обливали презрением, обзывали неудачником, но завидовали. «Чем берет,

стервец?» — шептали за спиной, когда он обвивал талию очередной хорошенькой женщины.

Отец, казалось, был ошарашен мною. Стоял над кроватью, вцепившись в перила, смотрел, щупал глазами личико, улавливая малейшее изменение мимики.

— Наташа! Это лучшее, что случилось со мной! — он бросился к ее ногам. Мама сидела, подавленная, на диване, а отец целовал ее колени. Она, наклонившись вперед, сжимала пальцами его затылок.

— Ты кот, дворовый кот, Василий... — прошептала она ему. Отец жмурился. Многие женщины говорили ему об этом. Он обычно целовал их слегка вспотевшие ладони.

Отец помог зарегистрировать меня, вписав в метрику свои имя и фамилию, тем самым официально подтвердив, что он мой папа. Мама была очень счастлива. «Это, конечно, не замужество, но все же», — бормотала она, успокаивая саму себя.

Через три недели отец снова сбежал. Орущий ребенок, стирка пеленок — все это было не для него. Умиление сошло на нет, когда я срыгнула на свежeweыстиранную рубашку отца. Мать старалась, как могла, и выглядела безупречно. Она даже кормила меня в нарядном сливовом платье с глубоким вырезом на груди. Лишь бы отец не видел измученную бессонными ночами, устав-

шую женщину. Ему показалось, что он сможет сыграть роль семьянина, но его ждало нечто большее, чем ребенок и женщина. Мама на этот раз была спокойна. Она чужая, что упустила его. Вся эта роль папочки для него была своего рода забавой и экспериментом, не более.

2

Так мы остались вдвоем. Без алиментов, жили на маленькое государственное пособие. Мама штопала колготки, варила картошку на обед и ужин, сдавала бутылки из-под молока и покупала с выручки сладости. До развала «советов» еще было семь лет.

Жили мы в однокомнатной квартире огромного дома, называемого в народе «малосемейкой». В нем были длинные коридоры с шестью квартирами на каждом этаже, в которых на маленьких метрах ютились большие семьи.

Мама сделала для меня небольшой уютный уголок, отделив кровать от остальной комнаты шторой на карнизе. Карниз упирался одним концом в одностворчатый шкаф, что стоял у кровати, другим — в стену. Я всегда могла задвинуть штору и оказаться в своем мире. Часто на карниз мама вешала надо мной свои свитера и пиджаки

на деревянной вешалке. В темноте строгий силуэт казался мне огромным чудовищем, подвешенным на тонкой веревке. «Девочка, ты почему не спишь?» — каждую ночь обращалось оно ко мне, и я в страхе жмурилась. Чудовище всегда следило за мной, иногда это очень пугало. А иногда мне казалось, что оно охраняет мой сон от других чудовищ, которые были гораздо страшнее — они поутру не превращались обратно в черный жакет, а навсегда оставались жить под кроватью в дальнем темном углу. Чтобы дожидаться следующей ночи и пробраться в мое сознание, разрушая его своими когтистыми щупальцами и острыми клыками.

Мама...

Она не собиралась становиться матерью в двадцать четыре года. Внутри нее горело желание любить. Женщина она была красивая, с кудрявыми светлыми волосами, пыльно-голубыми глазами. Часто звонко хохотала или громко рыдала. Балансировала между радостью и диким ужасом.

— Господи, ну неужели так трудно поставить табуретку на место?! — кричала мама и отодвигала ее на десять сантиметров в сторону. Я сжималась от ее крика. Так было всегда. Так будет всю жизнь. Мы будем тщательно убирать квартиру, вытирать пыль, вытряхивать ковры, складывать,

а не разбрасывать плед, расставлять подушки, словно солдат, ровным строем на диване. Шторы будут висеть складочка к складочке, стулья стоять строго на своих местах. Наверное, стоило на полу белым мелом очертить эти места, как покойников, чтобы никогда не ошибаться. Я всегда ошибалась. Я буду пальцами убирать невидимые крошки со стола и следить, чтобы вокруг умывальника не было воды, даже маленькой капельки. Уже в четыре года я лихо вытирала пыль, мыла полы. Я боялась, что мама будет ругать меня. И она всегда ругала. Заберет меня из садика, мы придем домой, поужинаем. Я выйду из-за стола, забуду отодвинуть стул. Она кричит. Я плачу. Вечер безнадежно испорчен.

Потом, спустя часа два, мама придет, обнимет меня. Начнет плакать и просить прощения. Я стану возиться с игрушками, она сядет в старое кресло и начнет шить. Уколетса иголкой, выругается. А сама на телефон поглядывает. Позвонит, не позвонит? Новый роман: тощий психолог с вечно сальными волосами. Видела его пару раз. Меня мутило от него, от нее. Наперед знала, что он походит так с месяц, а потом пропадет. Вот и сидит, ждет, что затрещит телефон, на часах уже десятый час, меня спать укладывать пора. Забыла.

На восьмое марта сделала маме открытку. Сама. Остальным помогали воспитатели, а я упорно

желала приклеить все бумажные лепестки к твердому картону своими пальцами. Цветы были наклеены неровно, в пятнах клея, но воспитательница меня хвалила.

Отдала маме, когда она вытягивала из шкафа тонкие чулки. Она улыбнулась, глядя мимо меня.

Потом она крутилась перед зеркалом в прихожей, вила кудри, подводила стрелки. Открытка лежала на трюмо.

— У меня свидание, Лика! — шепнула она.

Меня наскоро собрала, отвезла к тете Маше, говорливой подруге-еврейке. У нее была дочь Оля, старше меня на пару лет. Она обрадовалась моему появлению, так как тетя Маша тоже не собиралась в праздник заниматься детьми и пригласила гостей.

— Опять напьются и будут орать песни, — недовольно буркнула Оля и, схватив за локоть, потащила к себе в комнату.

Открытку я нашла в мусорном ведре на следующий день, вечером. Я вынула ее и подошла к маме. Она стирала белье в ванной: наша убогая советская машинка умерла на прошлой неделе. Увидев меня с открыткой в руках, мама тут же принялась рыдать. Прижимала к груди и повторяла:

— Доченька, прости, прости, это случайно.

Но я не поверила. И с тех пор не делала для нее никаких открыток. Когда все рисовали гу-

ашью цветы в вазе с подписью «любимой мамочке», я лепила из пластилина домик, объясняя учителям, что это дворец для мамы, ей очень понравится. Выходя с урока, комкала его в лепешку и прятала до следующего раза.

Однажды пришел отец. Принес мне огромных размеров куклу с выпученными синими глазами на выглажено-пластмассовом лице, которую я отдала соседской девочке. Мама пила с ним чай, молча слушая о его проблемах, планах. Выкурила три сигареты. Отец дал немного денег.

— Даже на сандалики для Лики не хватит, — выдавила тихо она.

3

Соблюдение порядка было не самым утомительным занятием в нашей с мамой жизни. Я привыкла к ее крику, привыкла класть каждую вещь на свое место, а если забывала, откуда взяла, просто выбрасывала в окно, чтобы не получить очередной нервный срыв. Всякие книжки по шитью, клубки ниток, спицы, ластик, карандаши. Бывает, лезешь за фломастером, а вывалится колечко серебряное. Откуда? Не сообразишь, шкатулка в другом месте стоит, на полке, за картиной, ну и мучаешься, мечтаешь, да в форточку со всего

размаху. Маму, конечно, злило, что многое стало пропадать, но она не догадывалась, кто виновник. Мне было стыдно, но я так устала от бесконечного крика, что лучше уж выбросить вещь в окно. Нервничала, кусала губы, часто до крови. Маму ужасно раздражала моя глупая привычка, а ведь только так я могла успокоиться.

Мама за меня постоянно боялась. Нет, она вообще просто боялась. Всего на свете. Тараканов, мух, высоты, воды, автомобиля. Если я ела, то она следила, чтобы аккуратно, не спеша, ведь я могла подавиться едой и задохнуться. Если сбегала по лестнице, останавливала, требуя идти не спеша — иначе я рисковала подвернуть ногу и свернуть шею. Мама в газете прочитала о девочке, с которой произошел несчастный случай на лестнице, и она постоянно мне об этом напоминала. В ванной кругом были липкие коврики, чтобы не поскользнуться. До шести лет я ела только ложкой — мама боялась давать мне вилку. Любое шевеление в моей жизни считалось страшным риском.

— Ты же понимаешь, если с тобой что-то случится, мне незачем будет жить, — говорила она. — Я умру. Тут же, на месте, от сердечного приступа.

И я боялась за любимую мамочку. Старалась быть очень аккуратной. Чтобы ничем ее не расстраивать. Пока была маленькой, худо-бедно мне удавалось быть тихой, незаметной. Один

раз, правда, вместе с соседкой Людой выползла на крышу. Мы с ней просто постояли в двух метрах от края и спустились вниз, где нас встретил отец Люды с ремнем в руках. Мама, как узнала, долго пила корвалол. Вымолвила только: «Ты хочешь моей смерти» — и не разговаривала со мной два дня.

В отместку купила мне синие колготки, а синий цвет я недолюбливала. Заставила надеть их в садик. Все девочки смеялись и обзывали «мальчиком». Я спряталась за веранду и плакала. Пока обессиленная нудными поисками воспитательница не вытянула меня оттуда за ухо.

Даже моя близкая подружка по группе Катя смеялась надо мной. Я пыталась понять, почему она не хочет больше со мной дружить, ведь синие колготы — это такая глупость.

Мы никогда не катались на аттракционах. Мама говорила, что это страшно и опасно — еще стошнить может. Но однажды уступила и попросила свою подругу прокатиться со мной на безопасных «ракушках», которые крутились по кругу и вокруг своей оси. Тренажер для будущих космонавтов. Меня вырвало пирожком с повидлом прямо на цветастое платье маминой подруги.

— Ну вот видишь, я же говорила, — мама хмыкнула. Я вытирала рвоту с подола платья своей кофтой. Подруга что-то бурчала, мама та-

раторила, перебивая, что ребенок мечтал о каруселях, ты уж прости, я устала ей, бестолковой, объяснять. Они в итоге разошлись по-хорошему. Но я чувствовала себя виноватой. Аттракционов, правда, больше не хотелось. Никогда. Тем более, когда в другом городе рухнула кабинка вместе с маленьким мальчиком и мама зачитала мне эту новость вслух, дрожащим голосом, с придыханием и слезами в глазах, я поняла. Все в этом мире направлено на убийство человека. Нужно быть очень настороженным, изворотливым, чтобы не стать жертвой несчастного случая. Мама желала мне добра и боялась, ведь всегда из-за угла может резко выскочить автомобиль и раздавить хрупкое тело черными колесами.

Мне постоянно говорили: «Будь осторожна, помни, сколько всего страшного может случиться», — и отправляли в новый ясный день. А я боялась расстроить маму и начинала сама верить, что со мной и правда может случиться несчастье. Круговорот взаимозависимости.

4

Я сидела с бутылкой вина у двери в Пашину квартиру. Была пьяна. Стены и углы уже начинали двоиться, слезы превратились в неровные дорож-

ки, сползающие на подбородок, и, кажется, я слышала голос Бога. Он говорил: «Дура. Беги».

— Паша! Открой дверь! — мычала я.

Я видела его. Как он натягивает шорты, как бросает очередной девичье покрывало, чешет затылок и мечется по дому, не зная, что делать. У девичьи приподнимается бровь тонкой радугой. Паша в итоге хватается за сигареты.

— Нормально?! — я открыла глаза и увидела Пашу. Он навис надо мной. Я уснула прямо на коврик у его двери. Он неодобрительно покачал головой.

Я сидела на кухне, пила крепкий кофе.

— Лик, ну чего ты, а?

— Что чего? Ты не понимаешь? — я была зла. Да еще голова болела, словно она колокол, а по нему кто-то изо всех сил бьет железным молотом.

— Я тебе разве говорил, что мы встречаемся, про любовь и все такое? Лика, мне двадцать два, тебе двадцать, у нас время такое, все со всеми спят.

— А любовь? — мой сильный голос сорвался. Жалостно так.

— Никакой любви нет. Мой отец вот с мамой живет больше двадцати лет. И знаешь, что он мне сказал? Что давно маму не любит. Что живут они вместе только ради детей: меня и сестры. Что каждый нормальный мужик всегда хочет только од-

ного — денег и секса. Всё. А брак — это тыл. Поэтому он — хороший муж, у которого еще парочка любовниц. Другой судьбы не дано. Ты предлагаешь мне такую жизнь? Врать кому-то, что я способен на любовь и прочую чепуху? Нет, детка.

Паша сел рядом и положил руку мне на колено.

Я молчала. Паша уже стянул с меня майку.

— Плохой ты. За что я тебя люблю?

Он промычал что-то над моим ухом.

Осталась я у него. Квартира была свободна на все выходные: родители уехали на дачу. Я была счастлива, что провожу это время с ним. Правда, к нему тут же набежали друзья, все пили водку, много курили и матерились. Громко играла музыка. Паша любил электронную, и с каждым новым музыкальным завитком мне казалось, что у меня разовьется шизофрения. Но быть в толпе — незнакомое и удивительное чувство, которое мне нравилось: эта пульсация, жжение от сигаретного дыма в глазах, песни, смех. Иногда ловить Пашины руку и улыбаться. Его поцелуй в висок. Желала застрять в этом хаосе навсегда, чтобы никогда не встречать пыльное утро, где Паша бежит по своим делам, а мне остается ждать его звонка.

Иногда мы прятались в родительской спальне, и мне было весьма неловко в комнате, где еще недавно были его отец и мама. На прикроватной тумбочке — бульварный роман в мягком

переплете, футляр для очков, расческа, помада. Из шкафа торчал рукав свитера, у кровати — женские тапочки. Я все это замечала, пока падала спиной на кровать, и мысленно шептала: «Простите».

Утром в воскресенье я убежала домой. Не нравился беспорядок после вечеринки, чужие люди, которые спали в комнатах прямо в одежде, кто на диване, кто на полу. Окурки, бутылки, разбросанные остатки еды. Знала, что Паша проснется чужим, отгородится от меня, словно мы незнакомцы в общем пространстве. Хмуро станет бродить по квартире, разбудит друга. Они выпьют на двоих бутылку холодного пива и примутся за уборку.

Я позвонила ему только вечером. «Приезжай ко мне, — попросила, — испеку вкусный луковый пирог». Паша согласился. Я прыгала в сумасшедшем визге, словно маленькая собачка. Готовила, убиралась: пылесосила, протирала пыль, поправляла шторы, расставляла подушки. «Паша приедет!» — мысль теннисным шариком прыгала во мне и била в виски.

В десять я звонила ему домой. Никто не ответил. Едет — я еще не теряла надежду. В одиннадцать поставила пирог снова в духовку подогреться: холодный он был невкусный. Но Паша не приехал. Я прождала его до трех ночи. Курила, си-

дя на подоконнике кухни, бросала крошки от пирога вниз и старалась ни о чем не думать.

5

Когда мне исполнилось семь лет, в нашей с мамой жизни появился дядя Федя. Большой уса-тый мужчина с серыми, как грязный лед, глазами, и всегда с легким перегаром. Мама влюбилась.

— Доченька, ты его папой не называй, но я очень надеюсь, что однажды мы станем большой семьей.

Дядю Федю я терпеть не могла. Он был шумным, глупым и наглым. Дома у нас он вел себя по-хозяйски. Вроде польза была: все быстро чинилось пухлыми волосатыми пальцами — краны больше не текли, розетки не отваливались. Но видеть, как он разваливался в полосатых трусах на нашем диване, мне было противно. Укладывать спать меня начинали довольно рано. Уже в восемь загоняли в кровать, и задвигалась штора.

— И не смей мне! — грозила мама пальцем, и я покорно пыталась уснуть. А они хохотали, гоготали, стучали стаканами и бокалами. Весь этот взрослый шум и шорох отдавал чем-то вульгарным, пошлым. Я понимала, что дядя Федя